

Уничтожение в Проскурове;
В память о святых душах, погибших
во время страшной гайдамацкой резни.
(г. Хмельницкий, Украина)
49 ° 25 ' / 27 ° 00'

Перевод с идиш книги:

Khurbn Proskurov; tsum ondenken fun di heylige neshomes vos zaynen umgekumen in der shreklikher shkhite, vos iz ongefirt gevoren durkh di haydamakes.

Издатель: Проскуровская организация помощи, Нью-Йорк, 1924 г.

Примечания переводчика:

Библейские стихи поданы в соответствии с русским синодальным переводом.

Личные имена фигурантов приведены в их местных подольских эквивалентах (напр.: Авраам=Аврум, Исаак=Ицхок, Мордехай=Мордко, Сара=Сура, Яков=Янкель и т.д.) согласно «Списку лиц, убитых и умерших от ран во время погрома 15-18.И.1919 г.» [ГАКО (Киев), ф. ФР-3050, оп. 1, д. 166].

Символом * в тексте и списке обозначены имена жертв, не встречающиеся в «Списке лиц...». Символ (?) после фамилии означает, что фамилия может иметь разные варианты подстановки гласных из-за особенностей перевода с идиша и иврита.

Параллельные колонки в оригинале написаны на иврите и идише. Данный перевод основан на английском переводе: <http://www.jewishgen.org/yizkor/Khmelnyskyy/Khmelnyskyy.html#TOC>

Для уточнения и проверки перевода читатель может обратиться к оригинальному тексту, доступному на сайте New York Public Library: <http://yizkor.nypl.org/index.php?id=1591>

Авторское видение событий и эмоциональный фон повествования сохранены.

Наша задача заключалась в подготовке перевода оригинального труда, без критического анализа утверждений и приведенных фактов.

[Титульная страница оригинала]

Издатели этой книги, Проскуровская организация помощи, выражают сердечную благодарность г-

ну Шломо Нафтали Цви (Альтер Гройсер), за статью "Уничтожение в Проскурове", которую он написал вместе с г-ном Зусей Воллом, а также за список жертв, который составил г-н Гройсер, и за его помощь в публикации книги.

Доходы от книги предназначены для детских домов и дома престарелых в Проскурове.

Издатели.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность		2
Предисловие	А. Рехтман	7
Уничтожение в Проскурове	А. Гройсер, З. Вол	11
Братская могила - фото		31
Детские дома Проскурова		41
Детский дом №1 - фото		42
Детский дом №2 - фото		44
Детский дом №3 - фото		46
Ребе Базалиер* - фото		48
Ребе Базалиер*	А. Рехтман	49
Хаим-Иось Грайцерштейн		53
Хаим-Иось Грайцерштейн с дочерью - фото		54
Израиль Пахтер и его дочь Ехевед		56
Семья Толмач		59
Ихиль Ружичнер		61
Пинхас Яковлевич Шерман* и его жена*		63
Мойше-Шмуль, сын Дувиды Захана		64
Арон Шмуль Коэн*		65
Перец Крупник		68
Гур-Арье Иегуда Дитун*		69
Янкель Ланглейбн		70
Рухля и ее сын Аврум Гройсманы		71
Мойше и его дочь Элька Золлемахеры		72
Фавель Кантор*		73
Берко Гройс		74
Список жертв в Проскурове		75
История Проскуровской организации помощи в Америке	Г. Бреслер	105
Отчет о получении благотворительной помощи и расходах		112

Благодарность

В первую очередь - преданным активистам Лиги помощи, соответственно с организациями, которые они представляют. Некоторые из них без усталы работают до сих пор. Эти имена заслуживают того, чтобы быть особо отмеченными как лица, в чьих сердцах зов о помощи от нашего родного города нашел необходимый ответ. Они полностью выполнили святой труд по спасению.

Проскуровская Конгрегация Сиона:

г-н Ицхак Рубенбойм, Натаниэль Гринштейн, Ицхак Аарон Сендерс, Дов Шапиро, Шмуэль Барон, Дов Шварцман, И. Гацуг, Ш. Бергер, Альтер Гройсер.

Лига Женщин:

г-жа Итта Сендерс, г-жа Бертон, миссис Рубенбойм, миссис Зильберман.

Проскуровский кружок рабочих, филиал 355:

Мордехай Тобис, инженер Ш. Крайнес, Г. Горвиц, А. Вагнер, Кричмар.

Те, кто не принадлежит ни к одному из обществ:

г-н Гедалия Бреслер, А. Рехтман, Зайдель Штейн, Лейб Тулис, Гительман.

Проскуровская юношеская ассоциация:

Макс Райзман, Лейб Фишман, Сэм Бельцер, Зеев Балеховер, Вакштейн, Натан Барондесс, Леви Вайнер, Г. Шмулевич.

Филадельфийский отдел помощи:

г-н Аарон Шур, г-н Абрамович, г-н Френкель.

Чикагский отдел помощи:

г-н Лейбович, г-н Кориш, г-н Шнайдер и г-н Ройтенберг.

Чикагское дамское общество:

г-жа Нехама Лейбович, миссис Фанни Эйдельман и г-н [так в оригинале] Форман.

Бостонский отдел помощи:

г-н Абба Меконен, г-н Мотл Собельман, Моррис Брикман, г-н Гарри Хендлер, г-н Александр Деббис, г-н Мейер Гринберг, Моррис Рубман, г-н Поль Гольденберг, г-н Макс Гельман, миссис Роза Рехт.

г. Ньюарк: Мистер и миссис Фейерт.

г. Элизабет: Хаим Оксман.

Предисловие

А. Рехтман

Наш город Проскуров стал козлом отпущения практически с самого начала Первой мировой войны. Он стал искупительной жертвой для всего окружающего региона.

Будучи расположенным близко к границе, где произошли первые бои, атмосфера в нем почти с самого начала стала наполняться кровавой ненавистью и ожесточенной борьбой против евреев. И острое копьё, что в дальнейшем так страшно пронзило сердце нашего несчастного города, утопив его в крови, уже тогда начало коваться.

Когда к нам привезли первых раненых из боя неподалеку, начали ползти злые слухи и идиотские сплетни, наполненные ненавистью и враждой по отношению к евреям. Например, что якобы были выявлены похороны, в которых евреи несли не мертвое тело, а деньги для вражеского лагеря; или что евреи посылали золото в Австрию и Германию внутри яичной скорлупы; или такая нелепая сказка, что был пойман еврей, прятавший телефонный аппарат в своей большой бороде, при помощи которого он держал связь с врагом, и десятки таких же нереальных историй. Все это отравляло сердца и заполняло умы окружающих иноверцев ненавистью.

И наши проскуровчане жили весь период войны в этой грязной атмосфере бушующей ненависти. Они страдали от унижений и издевательств на каждом шагу. Даже не обращая внимания на тот факт, что еврейские мужчины и юноши гибли на поле боя, сражаясь за отечество, отцов и матерей - их жен и детей дома преследовали, нечеловечески обращались и ущемляли. И тянулись бесконечные, беспросветные, темные дни страшной войны. Наш город вместе со всем украинским еврейством стонал под тяжелым гнетом
[Страница 8]

войны и царизма, пока не произошло целое историческое потрясение и разразилась революция. И наши надломленные, несчастные, угнетенные братья тогда поверили, что пришло их спасение и что, наконец, человеческое достоинство одержало победу. И их сердца наполнились сияющими надеждами о более светлом, счастливом и красивом будущем.

Мы тоже здесь, в Америке, ликовали на расстоянии от радости освобождения. Издалека мы сердечно приветствовали наших дорогих братьев и сестер, и с переполненными сердцами надеялись на радостные новости из нашего дорогого старого незабываемого дома. Но радость была не долгой. В то время восстали большевики и набирала обороты большевистско-социалистическая гражданская война, а темные элементы украинского народа, используя переворот, якобы под знаменем свободы, равенства и братства, и в соответствии с национальным гимном "Ще не вмерла Україна", объединились в различные гайдамацкие банды. Крупнейшая, наиболее опасная банда под руководством кровожадного атамана Петлюры быстро одержала победу и поставила себя во главе украинского правительства.

Его банда росла с каждым днем. Сотни новых гайдамаков из самых невежественных слоев населения: освобожденных преступников, убийц, террористов и бандитов стали под его руководство, потому что он, Петлюра, дал им полную свободу, открыто провозглашал уничтожение евреев и сделал их имущество и жилье вольным для изъятия под предлогом борьбы с большевиками.

И как гром среди ясного неба, посреди прекрасного, светлого дня, ужасное несчастье постигло наш город. Кровожадный атаман Петлюра с его звериным полчищем набросились вдруг как чудовища на наших перепуганных, беззащитных братьев и сестер и открыто совершил акт кровопролития перед лицом всего мира.

[Страница 9]

Невозможно описать человеческим языком те жестокости, которые были совершены в то время. Можем ли мы найти слова, понятия, которыми можно выразить дрожь человека во время бойни? Или момент, когда человек видит своими глазами, как убивают его близких, сам будучи приговоренным к смерти? А в то время как он сам ждет только еще минуту, еще мгновение, как тот же убийца с тем же смертельным ножом подойдет к нему тоже, и положит конец и его жизни? Или разве был создан такой человек, который может выразить, может изобразить те переживания, которые испытывает сердце матери, когда она стоит на заклании сына, или видит своими старыми глазами как выкалывают глаза ее единственному сыну, или как ее единственная дочь мучима и надругаема?

Наш язык слишком беден, чтобы быть в состоянии передать даже тысячную долю тех ужасов, что были совершены в тот день резни, или передать даже частично террор и страх, которые царили в Проскурове во время погрома. Люди ни на минуту не считали, что их жизнь в безопасности. Каждый момент казалось, что убийца придет снова и уничтожит остаток выживших, немногих оставшихся.

И те же крики боли расколотых небес стали доноситься их окружающих еврейских местечек: из Фельштина, Кузьмина, Каменца-Подольского, Летичева, Литина и сотни других. Дикарь и убийца Петлюра с его Гайдамацким подразделением систематически, в соответствии с планом, убивали, проливали реки крови направо и налево, и священная кровь невинных жертв лилась потоками по широким дорогам великой освобожденной Украины.

Тогда все светлые надежды, которые принесла революция, угасли. Небо было покрыто мутной, черной тучей, и страшная темнота окутала наш город вместе со всем еврейским населением Украины.

Был найден человек, который сам пережил проскуровский кошмар и видел все своими глазами:

[Страница 10]

"Как светило солнце и палач резал", как человек истреблял человека, как собаки и свиньи пожирали человеческую кровь и костный мозг, он стал свидетелем всего этого лично, а потом он с риском для жизни оказывал первую помощь тяжелораненым, истекающим кровью пострадавшим. Он видел своими собственными глазами, как по указу убийцы Петлюры невинные жертвы были брошены, как забитые телята, на телеги, и посреди ночи были засыпаны землей в одной большой яме.

С кровоточащим сердцем он описал все так просто, так бесхитростно. На святом языке скорби он также написал плач о Проскурове и сам перевел его на идиш.

И чувствовалось, как будто дух всех тех, чьи жизни были оборваны слишком рано, дух невинных жертв, говорит его устами. Они повествуют всему миру и особенно их собственным родственникам и друзьям - свиток их жизней и смертей. Люди жили и - раньше их времени - были лишены жизни.

И их кровь взывает к нам из глубины могилы тысячью звонких голосов: Не забывайте нас!!! Вспоминайте нас время от времени. Расскажите о нашей жизни и смерти вашим детям и внукам, грядущим поколениям. Возможно, наша кровь поможет следующему поколению крестьянских убийц стыдиться несправедливых поступков, совершенных их старшим поколением, и они отвергнут ножи мясников, которыми были убиты люди, и превратят их в плуги для работы и возделывания Божьей земли. Это приблизит пророчество Иехезкеля: Это будет в последние дни ... это станет нашим утешением и, возможно, стоит нашей пролитой крови.

[Страница 11]

Изкор

[= поминание – перев.]

Уничтожение в Проскурове

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. (Исаия 53:7)

* * *

... Каждый год на годовщину [резни - перев.]
Вы должны читать это перед вашими детьми и детьми ваших детей.

[Страница 12]

Уничтожение в Проскурове
(Эта скорбная песнь будет вместо оплакивания)

Ужасное несчастье, которое обрушилось на нас, пришло неожиданно, как гром среди ясного неба, потому что только политики - те, кто понимал, куда способно было наше правительство нас завести - могли предвидеть катастрофу, которая приближалась к нам. Тем не менее, простые люди были, как обычно, каждый погружен в свои дела, и никто не слушал – или не наблюдал - ничего, что происходит вокруг, и слухи о буре, принесенные издалека, приближались к нам, принеся с собой смерть и разрушения.

Когда мы узнали о массовых убийствах и резне в Екатеринославе, [в ивритском тексте добавляется Кременчуг - пер.], Житомире, на железнодорожных станциях между Киевом и Гомелем, и в других малых и

[Страница 13]

крупных городах по всей Украине, мы почувствовали и содрогнулись, и начали слушать, что там происходит, и кровь холодела в жилах, когда мы слышали, как кровь наших братьев и сестер в этих городах текла ручьями по всем улицам. И даже тогда до нас не доходило, что страшное несчастье, жуткая скорбь и ярость, неуклонно идет и к нам тоже.

Около пяти недель до резни, вспыхнувшей в нашем городе, в начале месяца Шват 5679 [январь-февраль 1919 г. - перев.], Киверчук, командир гайдамаков, отдал приказ местной студенческой милиции, которая была почти полностью еврейской, сдать

[Страница 14]

им ее оружие и самораспуститься.

В то время студенческая милиция была единственной силой в городе, защищавшей жителей днем и ночью. Поэтому, когда ее оружие отобрали, город стал фактически беззащитен. Действительно, сразу стали появляться банды одичавших солдат, которые врываются в дома под надуманными предлогами поиска оружия или укрываемых большевистских партизан. На самом деле они крали и грабили все, что находили - имущество, одежду или деньги. К тому же они арестовывали невинных людей и тащили их в тюрьму. Эти грабежи продолжались около двух недель. Многие люди страшно обнищали. Другие заплатили большие суммы в качестве выкупа. Но, глядя на происшедшее, все это не произвело необходимого впечатления на жителей, т.к. не было ни одного человека, кто указал бы на большую опасность, кроющуюся в этих мероприятиях.

[Страница 15]

И никто не искал способ, чтобы предупредить последствия, которые могли бы произойти.

Однажды в погожий день, когда рынок, находившийся на открытой площади на улице Каменецкой в одном квартале с Александровской, был полон людей, группы вооруженных солдат вдруг появились на всех улицах вокруг рынка. Они принялись стрелять в воздух, чтобы вызвать страх и замешательство среди евреев, чтобы те не могли убежать. Солдаты захватили всех торговцев и других людей, наряду с теми, кто прятался в магазинах, и повели их группами, как стада, к командиру Киверчуку. Там они были ограблены, и все, что было найдено при них, изъято. Некоторые из них были даже лишены одежды и беспощадно избиты.

После этого позорного поступка начались серии домашних обысков и простых грабежей. Все чаще и чаще, и все более ужасных. После некоторых из этих ограблений не оставалось даже подушек. Мы вдруг почувствовали всю беспомощность нашей ситуации, что мы погружаемся все глубже и глубже в темную бездну.

[Страница 16]

Затем несколько человек, общественных активистов, обратились к командиру с просьбой быть милосердными и положить конец дикому поведению. Он должен, по крайней мере, позволить организацию еврейской самообороны. Лукавый командир согласился и выдал разрешение на организацию так называемых «домовых комитетов». Это означало, что в каждом отдельном квартале города из числа жителей должны быть выбраны группы охранников. И они должны следить за их окрестностями. Эти квартальные группы организовали на своих территориях специальные "Центральные комитеты". И было решено, что около двадцати вооруженных молодых людей будут в постоянной боевой готовности, и как только их уведомят по телефону о происходящем где-то в квартале ограблении, чтобы немедленно туда прибыть и отогнать бандитов. Мы думали, что это даст спасение. Но приговор был уже подписан задолго до этого. Весь план вышеуказанного ЦК - как мы расскажем ниже – был не больше, чем

[Страница 17]

ширмой, ловушкой для нас, предлогом для сваливания на нас всей вины за то, что случилось с нами. Квартальные охранные группы тоже сами по себе были бесполезны. Бандиты не принимали их во внимание, воруя и грабя, как и прежде.

А в один прекрасный день бандиты превзошли все с невиданной дерзостью, открыто и свободно атаковав продавцов на главных улицах и на железнодорожной станции, и тех, кто пришел купить товар, и никто не воспрепятствовал им. Таким образом, новые грабежи происходили каждый день и каждую ночь. Люди предпочитали сидеть взаперти в своих домах и боялись показаться на улицу. Эта ситуация продолжалась до тех пор, пока великий гнев не обрушился на нас.

За неделю до резни распространился слух, что большевики, которые оставались до сих пор в городе, готовили восстание против гайдамацкого руководства. Никто не верил, что большевики были в городе, потому что было известно, что они убежали, когда пришли гайдамаки. Тем не менее,

[Страница 18]

печаль и страх смерти распространились по всему городу. Время от времени ходили слухи, что сеяли страх и ужас.

Было высказано несколько гипотез. Некоторые говорили, что железнодорожники-христиане со станции Гречаны вместе с некоторыми еврейскими рабочими присоединились к большевикам, чтобы поднять восстание против гайдамаков. Другие говорили, что солдаты Днепровского полка бунтуют и готовятся восстать против командования. Так или иначе, наши сердца уже подсказывали нам, что нам придется стать искупительной жертвой. За три дня до погрома гайдамаки маршировали на главных улицах города, ездили на лошадях с винтовками и пушками, показывая свою мощь, что они не боятся восстания большевиков. Мы, евреи,

[Страница 19]

прекрасно понимали, что этот парад был направлен против нас, чтобы запугать нас. В последний день перед резней, 14-й день Первого Адара 5679 г. [=1919 - перев.], около полудня в пятницу внезапно распространился слух, что большевики на самом деле готовят на следующий день восстание против гайдамацкого руководства, и что много евреев есть среди большевиков, и что гайдамаки собираются завтра атаковать город.

Каждый еврей тогда почувствовал большую беду, что нависла над нашими головами. Никто не думал больше о деньгах или имуществе. Мы были готовы отдать все, лишь бы наши жизни были спасены.

Вечер пятницы пролетел над нами как страшный сон. Вдруг, около полуночи из пригорода донесся грохот взрыва. И это навело страх на всех нас. Как мы потом выяснили, это был сигнал 3-й Гайдамацкой бригаде подготовиться в течение следующего дня сделать из города руины якобы для противостояния

[Страница 20]

большевикам, которые хотели захватить город.

Рано утром в субботу мы узнали, что от имени атамана Семесенко все еврейские охранники, которые находились на улицах в своих кварталах, были арестованы в течение ночи. Вместе с ними был арестован весь "Центральный Комитет" под предлогом того, что они были в союзе с рабочими станции Гречаны в восстании против руководства, и что "ЦК" также хотели арестовать все должностные лица в почтовых отделениях и на железнодорожных станциях, но гайдамаки предвидели это и вовремя разрушили их план. Такие

[Страница 21]

слухи распространялись гайдамацкими офицерами вместе с муниципальными функционерами, которые всегда ненавидели евреев и давно присматривались к их имуществу.

Эта суббота выдалась просто замечательным, солнечным днем. Тем не менее, очень немногие евреи решились пойти в синагогу помолиться. Мы инстинктивно чувствовали, что беда была у нас под носом. Около 10 часов утра мы услышали сильную стрельбу из пулеметов и взрыв бомбы или выстрел из полевой пушки среди улиц города. Стрельба продолжалась около четверти часа. Мы предположили, что гайдамаки вели бой с большевиками в городе.

Первая еврейская жертва пала во время той стрельбы. Это была учитель коммерческой школы, дочь ребе Мотла Трахтенберга. Она случайно оказалась у окна и выглянула на улицу, чтобы посмотреть что за стрельба случилась, и смертельная пуля нашла ее. Тем же ранним утром несколько богатых евреев были арестованы и доставлены в

[Страница 22]

то же самое место заключения, где находились члены ЦК. Там их святые души сделали последний вдох, не увидев больше дневного света. Как мы потом слышали от надежных свидетелей, эти несчастные люди были вынуждены сами рыть себе могилы. Они были расстреляны возле ямы, которую они вырыли своими руками, и были брошены туда, не зная за что, невинно.

Мы потом узнали всю эту историю: восстание Днепровского полка и альянс еврейского ЦК с работниками железнодорожной станции Гречаны были провокацией, чтобы иметь возможность обосновать приказ [в ивритском тексте добавлено: против Израиля (= евреев) - перев.] и для того, чтобы было что ответить соседним государствам и всему миру.

В полдень этой субботы военные отряды рассредоточились по всем кварталам и уголкам города и перекрыли все пути, не позволяя никому пройти. Они предостерегли евреев оставаться в своих домах и не

[Страница 23]

показываться на улице. Около 3 часов дня гайдамацкий отряд в составе примерно 300 человек во главе с атаманом Семесенко ворвался в город по улице Александровской. Солдаты шли походным порядком. Офицеры ехали на лошадях. Рядом с ними шли медики, "сестры милосердия" с красным крестом, кареты скорой помощи и все, что берут с собой, когда идут сражаться с врагом. Они решили устроить шоу для мира, что означало бы, что они собираются подавить восстание против их власти. Но в действительности это было сделано только с целью пустить пыль в глаза миру для прикрытия массового убийства и грабежа.

На углу Дворянской улицы, пересекающейся с улицей Александровской, и на углу Аптекарской и Купеческой улиц полк разделился на небольшие подразделения чтобы иметь возможность разойтись по улицам, густо населенным еврейскими жителями. Несколько евреев с улицы Аптекарской видели, как они проникали целыми боевыми подразделениями через их окна,

[Страница 24]

развернулись с их командирами на углу Аптекарской и Купеческой улиц в отряд около 80 человек с врачом и сестрой милосердия, под руководством командиров, походным порядком - направо, налево и так далее, пока не был дан приказ: Разделиться! И как дикие звери они побежали по три или четыре убийцы вместе, направляясь прямо в еврейские дома на улице и страшная резня началась со всех сторон.

Убийцы в основном использовали холодное оружие: пашки, копья и ножи, а стрельба из огнестрельного оружия открывалась только в случае, если кто-то пытался убежать. Это делалось для того, чтобы стрельбу не было слышно на других улицах. А также с целью избежать лишнего шума в городе, чтобы не было никаких христианских свидетелей пролития невинной еврейской крови. Таким образом, в то время как страшная бойня совершалась на одной улице, на соседней улице никто ничего об этом не знал.

[Страница 25]

И так несчастные еврейские мужчины, женщины и дети были убиты, как овцы. Кто-то из выживших рассказал, что он сам слышал как "сестра милосердия" сказала убийцам: "Резать, убивать и не оставлять никого в живых ни за какие деньги!" Все улицы, где происходила резня, были полны мертвых тел, а ручейки крови текли с одной улицы на другую. Во многих семьях все члены семьи погибли мученической смертью в страшной боли и страданиях. Озверелые убийцы пытали их, намеренно калеча органы так, чтобы жертвы дольше мучались. Поэтому плач и крики летели в небеса со всех концов города от раненых и искалеченных, которые катались и лежали в собственной крови. Многие умерли от ран позже, лежа в больницах в течение нескольких недель и месяцев, пока смерть не пришла и не освободила их от агонии. Во многих домах убийцы истязали свои жертвы. Они ножами

[Страница 26]

отрезали носы и уши. Они ломали пальцы и выкалывали глаза. Они закалывали пиками детей прямо в колыбелях. Они специально отрезали руки и ноги многим детям, чтобы те, если выживут, остались бы калеками навсегда. В тот день они изнасиловали многих девушек и пытали их до тех пор, пока они не отдавали свои святые души в руки своих мучителей. В ту же субботу убийцы заметили маленькую девочку на улице Каменецкой, которая шла по улице в ее субботней одежде. Они закололи ее и подняли высоко над собой. В нескольких домах, где жили евреи вместе с христианами, христиане не потерпели убийств. Они стреляли из револьверов и прогнали убийц прочь. Были также случаи героического сопротивления. Еврейский студент Янкель Гофштейн [мещанин м. Барановка Янкель Ицхок Срулевич Гофштейн (25 л.) убит на ул. Каменецкая вместе с сестрой Леей (27 л.) и матерью Цирлей Гершковной (45 л.) – перев.] вышел к ним с героической смелостью. Когда убийцы окружили его и хотели зарезать, он крикнул им: "Руки прочь от меня! Я был офицером и привык смотреть смерти в глаза.

[Страница 27]

Если вы хотите убить меня – стреляйте!" И он упал от пули как герой. В целом убийцы были трусливы и малодушны, и если видели малейшую опасность для себя, то не осмеливались приблизиться. И где только они предполагали сопротивление, они проходили мимо того дома, не останавливаясь. Но таких мест было очень мало.

Резня продолжалась около трех часов. Когда уже начинало темнеть, около шести часов вечера, многие люди в своих тайных убежищах услышали громкий выстрел, и, как мы позже выяснили, это был сигнал убийцам прекратить погром. Кроме того, один еврей на улице Набережной слышал, находясь в своем укрытии, как офицер отдал солдатам приказ собраться, выстроиться в колонну и маршировать в свои казармы.

В ночь после субботы командир Киверчук послал полицейских во все окрестные села с заданием потребовать, чтобы в воскресенье крестьяне прибыли в

[Страница 28]

город со своими телегами для вывоза мертвых к месту захоронения. Все улицы были завалены трупами. И все дома на улице Александровской, что ведет вниз ко всем вышеуказанным улицам, были полны мертвых и раненых. Еврейская кровь все еще текла везде на всех улицах как кровь коров или овец на бойне. Около ста крестьян были заняты в течение трех дней отвозом мертвых на кладбище. Несколько раненых взяли в больницы, которые были открыты в нескольких частных домах на улице Каменецкой. Крики раненых разрывали небеса. Ни один из евреев не еще показался на улице из-за страха. Все было сделано самими крестьянами под командованием двух командиров палачей - Семесенко и Киверчука. Все дома были заперты на замки. Единственная

еврейская больница на обеих сторонах улицы Каменецкой была переполнена калеками и ранеными. Число жертв увеличилось и еврейские врачи

[Страница 29]

превратили еще шесть домов во временные больницы. Сотни раненых просто перевязали и отправили домой.

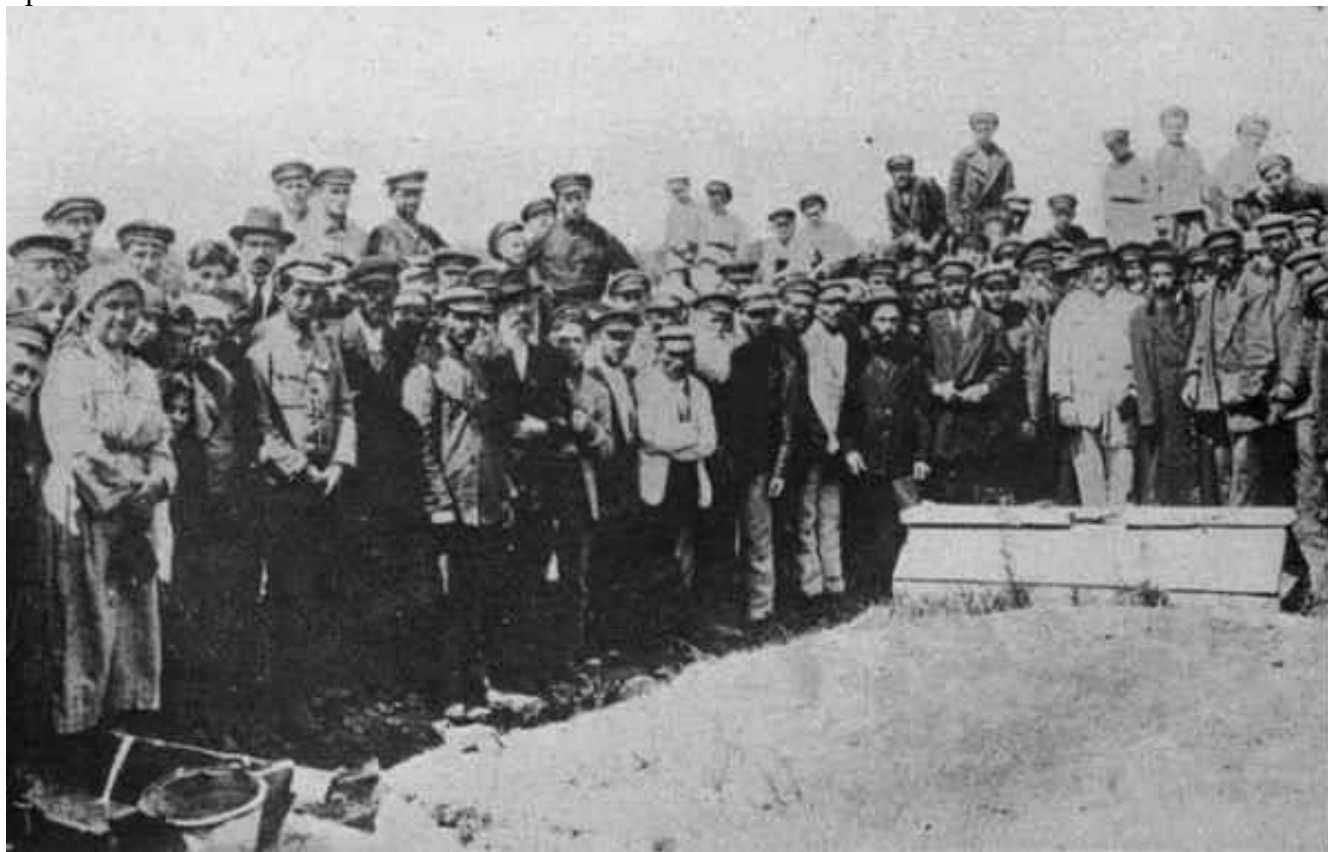
В это же воскресенье выборные должностные лица городского совета решили показать, что они хотели что-то для нас сделать. Они созвали собрание, но среди присутствующих был убийца Киверчук. Там присутствовал только один еврей Мордко Райгородский, который рискнул своей жизнью, выходя на улицу. Как выяснилось, он пытался упротить лукавого [Киверчука – перев.], чтобы он позволил евреям самим заниматься похоронами; по крайней мере получить разрешение хоронить мужчин отдельно от женщин. Также нужно было разрешение на осмотр одежды мертвых чтобы выяснить кем они были, установить их число и узнать их имена, потому что многие из погибших были евреями из других городов, которые оказались в Проскурове по коммерческим делам. Но враг Израиля [= евреев – перев.] отказался удовлетворить эти просьбы. Между тем, жертвы были доставлены

[Страница 30]

на кладбище крестьянами и были сброшены как выбрасывают мусор, без еврейских похорон. На следующий день, в понедельник, Израиль Финкель специально побывал на кладбище. Он пришел туда по просьбе еврейской женщины, которая хотела, чтобы он посмотрел на похороны ее дочери. Когда этот еврей увидел как крестьяне стаскивают святые тела с повозок - что было изначально злодейством - он остался на целый день на кладбище и заставил иноверцев достойно обращаться с мертвыми. Он также пытался опознать мертвых настолько, насколько это было возможно, кем они были, и записал несколько имен. Только потому что он был один, ему удалось договориться с вооруженной охраной, которая была поставлена там на часы, что на следующий день он сможет осмотреть одежду и карманы мертвых для поиска их документов и записать их имена. Но так как командир не захотел дать разрешение на это, крестьяне в ту же

[Страница 31]

Братская могила

Группа вокруг братской могилы. Выше видно отдельную могилу ребе Базалиера

[Страница 32]

ночь похоронили всех мертвых, доставленных в ту ночь, в одной большой могиле 90 аршин в длину и 30 в ширину без какой-либо записи их имен. Не прошло и нескольких дней, как р. Шломо бен Нафтали Р. Иегуда, известный под именем Альтер Гройсер, решил, что его долгом будет составить список. Поэтому он с несколькими еврейскими студентами ходил по улицам и домам в течение нескольких месяцев подряд, исследуя, опрашивая, осматривая, пока они не составили список значительной части жертв.

Позже гайдамацкие офицеры от имени их атамана Петлюры заявили перед христианским миром, что они не грабили, что они не мародерствовали, а только убили евреев в отместку за участие в восстании против Украинской директории. Тем не менее, это была бесстыжая ложь. Правдой было, однако, то, что когда евреи предлагали убийцам деньги в качестве откупа от смерти, убийцы отказывались принимать их. Но после того, как они уже убили несчастных,

[Страница 33]

они грабили все, что было в домах - деньги, одежду и вещи. Были даже такие, которые не убивали, а только грабили и разворовывали. Во многих домах христианские горничные и прислуга указывали головорезам, где прячутся их еврейские хозяева, так как они хотели убить их и поделить все в доме с убийцами.

Кровавая бойня в субботу, как уже упоминалось выше, продолжалась в течение трех часов, и за это короткое время палачам удалось убить около двух тысяч еврейских мужчин, женщин и детей, в то время как еще 1500 были искалечены или ранены. Но резня не закончилась на этом, потому что несколько убийств произошло еще в течение следующих четырех дней. Несколько еврейских медиков были убиты в воскресенье и понедельник когда они принесли мертвецов к месту их вечного покоя. Также в воскресенье много невинных евреев было арестовано

[Страница 34]

по обвинению, что они хранили спрятанное оружие в своих домах или что они были сторонниками большевиков. Их увезли на вокзал, где в вагоне заседал мнимый Гайдамацкий суд, где как только кто-то предстал перед ними, они сразу же выдавали фразу: «Виновен!»

Несчастные тут же выводились вниз, где их выстраивали в линию и расстреливали. Один еврей по фамилии Цацкис чудом остался жив. Во время расстрела нескольких евреев, "приговоренных" вместе с ним, когда все они упали, но ни одна пуля не попала в него, он упал вниз как все. Когда убийцы ушли, он убежал в деревню Гриневцы. Он хотел спрятаться в доме знакомого крестьянина, но крестьянин не впустил его.

Крестьяне этого села сделали даже больше. Они собрали всех еврейских жителей села, отвели их в город и передали

[Страница 35]

командиру бандитов Семесенко. И мы по сей день не знаем, дошли ли они туда. Но вышеупомянутый Цацкис был спасен. Он бежал голый и босый (потому что одежда была отобрана у евреев перед расстрелом) в Меджибож. В этом местечке тоже многие евреи были убиты. В городе [Проскурове – перев.] потом произошло много убийств, а один еврей был убит в центре города недалеко от Думы, на глазах влиятельных христиан, которые собрались на совещание о том, как остановить убийства. Тем не менее, ни один из них не осмелился открыто выступить против Семесенко, за исключением комиссара по имени Верхола, с которым здесь будет много связано. Во вторник все евреи пригорода Высоке были убиты. Среди них было несколько евреев, бежавших после субботы и прятавшихся там, которые спаслись в субботу. Во вторник они были там убиты. В среду многие евреи были убиты

[Страница 36]

на кладбище, куда они принесли своих мучеников для захоронения (потому что не было больше похоронного братства и каждый еврей занимался его собственными мертвыми сам). Резня (на кладбище) была последней в нашем городе. Как мы потом выяснили, уже в воскресенье, по приказу атамана Семесенко два отряда гайдамаков покинули город для осуществления подобных массовых убийств в местечках Фельштин и Ярмолинцы. Но в тот же день вышеупомянутый

комиссар Верхола (он стал комиссаром именно в тот день, заменив предыдущего комиссара, врага Тарановича) чудесным образом объявился и пошел к атаману Семесенко просить его отменить приказ о проведении массовых убийств в двух местечках. В то же время Семесенко получил приказ и от своего начальства о прекращении резни. Поэтому он согласился и немедленно послал телеграммы в эти города о том, что гайдамацкие отряды должны вернуться. Когда гайдамаки

[Страница 37]

подошли к Ярмолинцам, они были встречены начальником местной милиции, который попросил их не проливать кровь. Они потребовали крупную сумму денег и ярмолинецкие евреи немедленно собрали большую сумму выкупа и другие подарки, и таким образом город был спасен. Но в Фельштыне было все по-другому. Фельштинский почтмейстер, враг Израиля [= евреев – перев.], не показал гайдамакам телеграмму атамана о том, что они не должны проливать кровь. И он не только не рассказал им о телеграмме, но и подстрекал их против евреев. Тем не менее, евреи этого несчастного города Фельштин пошли навстречу солдатам с подарками и сделали для них большой ужин. Убийцы наелись, напились и приняли подарки. На обеде они говорили успокаивающие речи и пообещали евреям, что они не будут причинять им никакого вреда. Но немногим ранее они уже наточили мечи и копья в кузнице христианина и, хотя

[Страница 38]

все христиане города уже знали что они собирались сделать там, они не признавались в этом евреям. Как только взошло солнце во вторник утром, убийцы сами пошли по всему местечку и учинили ужасную резню евреев, убивая мужчин и женщин, пожилых людей и маленьких детей. Только немногим евреям удалось спасти свою жизнь. К тому же христианские жители города помогали, показывая где прятались евреи, а также участвовали в грабеже и разворовывании еврейского имущества. Несколько христиан, которые помогли некоторым выжившим евреям местечка, взяв их на свои поля, сделали это за крупные суммы денег. Они отобрали у них все, оставив их в поле нищими и голыми. Поэтому там все было иначе, чем у нас в Проскурове. В Проскурове было много христиан, которые прятали евреев в своих домах и других, которые ставали в дверях еврейских домов и говорили гайдамакам,

[Страница 39]

что там живут христиане. Тем самым они спасли множество евреев от неминуемой смерти. В день великой скорби, в субботу, гайдамаки убили недалеко от церкви диакона Качуровского, предостерегавшего их от пролития невинной крови. Также необходимо отметить позорное поведение иноверцев в деревнях. Когда на пути к Фельштыну убийцы шли мимо деревни Малашевцы, еврейская мать дала своего ребенка, девочку, знакомому крестьянину, чтобы он защитил и уберег ее, в то время как она и другие ее дети бежали в леса. Тем не менее, этот крестьянин отнес ребенка к гайдамакам по своей собственной воле, и передал им, чтобы они ее убили.

В среду, когда красные потоки человеческой крови все еще окрашивали улицы нашего города, атаман Семесенко повелел развесить листовки следующего содержания:

«Жидаи! Мы знаем, что вы симпатизируете большевистскому правительству. Учтите, что я превращу город в руины, если получу хоть малейшее подтверждение того, что сказал

[Страница 40]

о вас. Преданные гайдамаки ждут моего приказа. Они рассчитаются с теми, кто восстанет против меня. А вам, жидам, лучше спокойно сидеть. Или, может, ваша жизнь стала настолько отвратительной, что вы не имеете никакого страха смерти? Где народы, которые защищали вас? Они все ненавидят вас. Вы одиноки и заброшены. Даже ваши братья в Соединенных Штатах не хотят помочь вам. Никто не спасет вас. Вот, я вас предупредил».

Легко представить себе впечатление, произведенное этим заявлением на несчастных евреев, которые были после всего этого между жизнью и смертью. Мы, конечно, видели, что они по-прежнему жаждут нашей крови. В этот день мы воспользовались нашим старым методом - подкупом. Позже мы заплатили 800000 рублей убийцам в качестве выкупа за тех, кто остался в

живых, и 100000 семье диакона Качуровского, который был убит за то, что заступился за евреев, и этим частично усмирил злую ярость врагов.

Поглощена будет смерть навеки, и отрет
Господь Бог слезы со всех лиц, и снимет
поношение с народа Своего по всей земле;
ибо так говорит Господь.

(Исаия 25:

8)

А вы, горы Израилевы, распустите ветви
ваши и будете приносить плоды ваши
народу Моему Израилю; ибо они скоро
придут... И поселю на вас множество
людей, весь дом Израилев, весь, и
заселены будут города и застроены
развалины.

(Иезекииль

36)

[Страница 41]

Детские дома Проскурова

Кровавая резня оставила ужасное наследие - 960 детей-сирот, которые очутились как на воде [как ребенок Моисей - пер.].

Община оказалась истощенной и обескровленной и из последних сил основала три детских дома, в которых были размещены 200 измученных сирот, у которых не оказалось близких и попечителей. Остальные, пожалуй, не менее несчастные и одинокие, были распределены между знакомыми и родственниками. Благодаря нашей частичной помощи детские дома до сих пор надлежащим образом поддерживаются. Дети получают пристойное образование и снабжены всем необходимым.

Мы все обязаны, и особенно родственники детей-сирот, продолжать выполнять священный долг помогать им развиваться пока они не вырастут и выйдут в мир как честные, достойные и цивилизованные людьми, за которых их родителям не было бы стыдно.

Люди проскуровского округа!! Выполните свой долг! Если не ради несчастных сирот, то в честь их святых родителей.

Детский дом №1

Дети невинных жертв, погибших от рук озверевших гайдамаков
во время ужасной, страшной резни в городе Проскурове
Подольской губернии, 15-16 дня Первого Адара 5679 г. [1919 – пер.]

Детский дом №1

Хаим, Янкель, Минця, Тулех - дети Цви [Герша - перев.] Хабермана*. Бейлах, Сура, Цви, Фрейда - дети Шмуэля Шпальтера*. Фавель, Ривка - дети Шломо Юсима. Залман, Мирьям - дети Аврума Котляра*. Лея, Эфроим - дети Аврума-Мордко Дройзена*. Малка - дочь Ицхока Маранца*. Рахиль, Ита, Малка - дочери Литмана Шрага. Симха - сын р. Мейлаха Лейба*. Перля - дочь Симхи Маляра*. Фейга - дочь Израиля Вахерман*. Фейга, Хана - дочери Янкеля Барана. Биньямин, Иехуда - сыновья Дувиды Вольцкогго. Иехуда, Шмуль, Фавель - сыновья Альтера Харамы. Израиль, Шмуль, Иоэль - сыновья Мойше Маргулиса. Ханох - сын р. Шломо Гемма*. Израиль - сын р. Зейделя Зингера. Дов - сын р. Цви [Герша-перев.] Коэна*. Мойше - сын р. Ицхака Шпацирмана*. Шпринца, Чарна - дочери Менделя Митковицера*. Поли, Туба - дочери Арона Шварцмана*. Мойше - сын р. Израиля Алексеницера. Ривка - дочь Иойны Цви [Герша - перев.] Медведа. Меир, Рахиль, дети Нафтулы Цви [Герца - перев.] Авербуха. Миндля - дочь Дувиды Трахтенберга*. Мирьям - дочь Мейхеля Цуреса*. Хена, Симха, Мойше - дети Кивы Бурштейн. Элька - дочь Израиля Зекцера*. Адио - из детского сада. Дина - дочь Мордко Шляха*. Крайна - дочь Лейба Куриера*. Сура - дочь Нахмана Песочинского*. Иосиф, Залман, Зеев - сыновья Пинхаса Розенфельда*. Янкель - сын р. Израиля Зицера*.

Детский дом №2

Дети невинных жертв, погибших от рук озверевших гайдамаков
во время ужасной, страшной резни в городе Проскурове
Подольской губернии, 15-16 дня Первого Адара 5679 г. [1919 – перев.]

Детский дом №2

Мордко - сын р. Иосифа Райзмана*. Янкель - сын р. Мойше Наума Тенцера*. Мордко, Йось, Дувид, Бейла - дети Мойше Вубермана*. Гирш, Рахиль - дети Бени Фаерта*. Мордко, Песя, Авигдор, Борух - дети Янкеля Гринвальда. Райзя Вайсер [возм. Вейцер - перев.]. Ципа, Израиль - дети Мойше Айзмана. Шломо, Исаак, Туба - дети Мошки Окса. Либа, Арон, Моше, Рахиль - дети Хаскеля Греча. Рахиль, Меир - дети Аврума Скипниса*. Ихиль, Аврум - дети Янкеля Беренштейна. Гершон - сын р. Арона Вайсфельда* из Луцка. Ита, Израиль – дети Янкеля Иванковицера. Хаскель - сын р. Мойше Сандлера. Ицхок - сын р. Мейлеха Лейба*. Соня, Мендель - дети Аврума Гершковича. Шейндла - дочь Янкеля Барана. Бася - дочь Дувиды Райныша*. Этя - дочь Нетана Вайсера*. Малка, Хана - дочери Ицко Шапиро. Шейндла - дочь Шимона Кишеля*. Иосиф - сын Гитли Вайсер [возм. Вейцер - перев.]*. Итка - дочь Пинкаса Цинкера. Йона, Ривка - дети Цви [Герша - перев.] Дышеля. Хая, Сура, Ривка - дочери Аврума Столяр. Иосиф, Гитл - дети Пинкаса Цинкера. Израиль, Лейбуш - сыновья Мойше Шустермана*. Соня - дочь Янкеля Песчинского*. Лейб - сын р. Янкеля Айзельмана*. Израиль, Ицхок - сыновья Аврума Мисандесника (?)*. Дувид Мойше - из семьи Зайчик. Меир, Ицхок, Дебора - дети Арона Шкляра. Рива Шниперман. Сима - дочь Шлёмы Бацмана*. Нисон, Лея - дети Симхи Бурковштейн*. Ицхок, Мойше - сыновья Янкеля Хоффмана*. Хая Фишман. Пейсах Городецкий. Фейга - дочь Лейба Малкимана (?)*. Пейсах Пасамшинский (?)*. Борух Бревкович (Ницри?)*. Цирля Кразман*. Эстер - дочь Янкеля Копыта. Эстер Маламуд*.

Детский дом №3

[Страница 47]

Дети невинных жертв, погибших от рук озверевших гайдамаков
во время ужасной, страшной резни в городе Проскурове
Подольской губернии, 15-16 дня Первого Адара 5679 г. [1919 – перев.]

Детский дом №3

Сура - дочь Нахмана Свердлика*. Лея, Израиль-Хаим, Роза, Фейга, Хаим - дети Элиезера Вексельмана*. Шейндля, Либа, Фейга - дочери Элимелеха Гельфонда*. Арон - сын р. Шломо Гуральника*. Янкель (фамилия не известна). Перец - сын р. Мойше Пессечинского (?)*. Ашер - сын р. Ашера Гендельмана*. Борух - сын р. Мойше Розенбойма*. Аврум - сын Ихиля Шпилькемана*. Мейхель - сын р. Айзика Вайсера*. Элиэзер, Ашер - сыновья Ешаягу Нудельмана*. Пейсах Калюжный*. Аврум Нарабельник (?)*. Меир - сын р. Тевье Бейма*. Шломо - сын р. Иехуды Меламеда*. Ицхок - сын р. Иехуды Меламеда*. Хайка, Бейла - дети Мордко Гельмана*. Моли - дочь Ионы Робинштейна*. Ривка - дочь Иосифа Вальдмана*. Ихиль - сын р. Кальмана Бермана*. Ихиль, Сура - дети Зиса Шермана*. Аврум - сын р. Шмуля Каца. Бени, Ешу - сыновья Аврума Швайга*. Ешаягу, Дувид, Эстер - дети Фавеля Буксира*. Натан - сын р. Мордко Зеленчера. Шмуль - сын р. Арона Шмила Когана. Иосиф, Гитл - дети Пинкаса Цинкера. Хайка - дочь Хаима Злотника*. Дувид - сын р. Шалома Шакна Фридмана*. Дувид, Мошко - сыновья Лейбуша Фукса. Сима - дочь Ихиля Шпилькеман*. Хайка - дочь р. Хаима Гоника*. Рахиль - дочь Шмуля Вайнера*. Фейга, Шейндля - дочери Мойше Глейзера*. Фавель - сын р. Иосифа Вайнштока*. Израиль, Лейбуш - сыновья Мойши Шустермана*. Хаим Генфельд (?)*. Меер - сын р. Мойше Камея. Лея, Хая, Сура, Ривка - дочери Аврума Столяра.

Ребе Базалиер*,
да будет благословенна память о праведнике

[Страница 49]

Ребе Базалиер*

Наш господин, учитель и наставник, святой раввин из уважаемого рода, святой светоч, рабби Иосиф-Дувид, будь благословенна память о праведнике, сын праведного раввина, нашего учителя и наставника, рабби Иегошуа, внук праведного мудреца, освещающего светила, Авраама Иегошуа Гешеля Апта, и, по материнской линии, раббани [жена раввина - перев.], дочери праведного рабби Гирша Лейба Оликера, душа его в тайных местах на небесах; и внук рабби Гаона Хахама Цви. Как внук трех великих из Израиля [= евреев - перев.] - трех достойных людей благородного происхождения: рабби Аптера - "Онев Исраэль" [любимец Израиля (= евреев) - перев.]; р. Гирша Лейба Оликера - "Лидера поколения"; и Гаона Мира, "Хахама Цви", ребе Базалиер воплотил в себе великие добродетели, высокий божественный дух каждого из них.

Его благость, его безграничную любовь для всех, он унаследовал от своего деда, Аптера [ребе]. Как и его дед, он всегда был готов защищать всех и каждого. Он мог быть толерантным ко всем, даже к еврейскому преступнику. Он мог приблизиться к нему и таким образом возвысить его до себя, часто предотвращая грех, а во многих случаях и восстанавливая кого-то на лучшем пути. Его речи всегда были немногословными, чистыми, откровенными, и в этом, возможно, был секрет, почему хасиды нескольких направлений и течений всегда группировались вокруг него. Они варьировались от самых благочестивых до наиболее радикальных элементов. Среди его приближенных вы можете всегда найти даже таких евреев, как Нильс Шостак, Аншель Штрамблер, Элизер Винокур, Леви Фельдблит, рабби Казинер, братья Лопатины, д-р Гуревич и других, чье благочестие под большим сомнением. Он привлек их своим великодушием и его святой добродетелью.

[Страница 50]

Я никогда не забуду впечатление, которое ребе Базалиер произвел на меня в первый раз, когда я его увидел. Это было в маленьком городке Николаеве, недалеко от Проскурова. Я учился в тамошнем хедере и был еще просто маленьким мальчиком. Город суетился и шумел всю неделю, пока готовился к приезду ребе. В течение дня пятницы, я помню, ребе прибыл, и когда я подошел поприветствовать его, он дал мне свою протянутую руку, улыбаясь. Обычное дело, улыбающийся

ребе! Все раввины, которых я видел до него, были угрюмыми, сварливыми, важными, с вытянутым лицом, и вдруг - ребе, который улыбается. Как я полюбил его тогда!
От другого деда, рабби Гирша-Лейба Оликера, он получил в наследство – принимая от него руководством - его большую преданность иудаизму и евреям, его презрение к миру материального из-за его праведности, отношение к его хасидам, великое смирение и веру в Б-га.
У него не было любимчиков – будь то величайший ученый или богатейший человек. Его хасиды рассказывают много красивых историй в этой связи, которые отражают чистоту и кротость его души.
Уместно упомянуть здесь один пример, который я помню, что было сказано о нем вскоре после его отъезда из Николаева. Он переживал о "трюке" над его хасидом, очень богатым «рендарем» [арендатором - перев.] из деревни близ Николаева. Если память мне не изменяет, он был из деревни Чепеливка. Рендар вручил ему солидную монету вместе с квитлом [записка с просьбой о Божественной помощи - перев.]. Ребе имел обычай читать вслух квитлы его хасидов. Когда он закончил читать квитл Рендаря, он также прочитал его подпись, которая закончивалась "им кол бней мишпахто" [Евр.: "со всеми членами {или} всеми детьми его семьи"- перев.]. Но вместо

[Страница 51]

"мишпахто" [= его семьи - перев.], ребе прочитал "мишифхато" [= от его служанки - перев.]. Когда хасиды услышали это, был ажиотаж, и после последовавшего расследования выяснилось, что Рендар действительно имел связь с его служанкой [шифха - перев.], которая родила ему детей. От своего двоюродного деда Нахмана-Цви он унаследовал его ученость, опыт и проницательность. Он был очень искушен не только в книгах Каббалы, но и был великим знатоком Талмуда и Галахи.

Он никогда не прекращал упражняться в ежедневном изучении Гемары.

Время от времени он также любил заглянуть в мирские книги, прочитать газету и обсудить мирские дела с его хасидами-интеллектуалами. Он никогда не пренебрегал нееврейскими книгами. Он говорил, что мудрость содержится и в них тоже.

Он также был не против обучения детей русскому языку. Помню, как я когда-то пришел к нему и он спросил меня, учил ли я грамматику, и когда я ответил «нет», он сказал мне: «Нужно выучить язык государства; надо знать русский».

В 5662 году [= примерно 1902 - перев.], он переехал из Базалии в Проскуров. Он оставался здесь до последнего дня своей жизни под именем "ребе Базалиер"

Я не знаю точно, сколько детей у него было. Я знаю только, что у него была очень яркая дочь, красивая и эрудированная женщина. Многие из проскуровской интеллигенции делали ей предложения женитьбы, но ребе отклонил все из них, пока, наконец, в 5664 году [= 1903-1904 - перев.] он не выдал ее замуж за рабби Шалом Тверского, который сейчас находится в Америке, продолжая золотую цепочку хасидизма. Он имеет много последователей, которые здесь почитают его и относятся к нему с почтением.

[Страница 52]

Раввин Шалом Тверский также был велик своей родословной. Его корни по отцовской линии из рода Трискеров, внук рабби Дувида Толнера. А по линии матери он происходил из рода Рижинеров, внук раввина Ицика из Бегуш.

* * * *

Ангел Разрушения, убивший и уничтоживший столько жизней наших любимых и близких в этот печальный и мрачный день погрома в Проскурове, не пощадил чистую, святую, кошерную душу ребе Базалиера вместе с женой и двумя внуками. Они были отрезаны от мира преждевременно звериной, смертоносной рукой.

С его смертью весь еврейский народ потерял одного из столпов хасидизма. Ему были устроены еврейские похороны в Проскурове среди других мучеников и невинных, тех, кто были убиты, умирая мученической смертью. Его могила находится рядом с братской могилой.

Да будет благословенна его память

[Страница 53]

Хаим-Иось Грайцерштейн

Имя Хаима-Иося Грайцерштейна было известно в нашем городе. Все знали его и высоко ценили. Потому что он был активным во всех уголках еврейской жизни, и там, где была общинная работа, там всегда встретить доброго еврея, р. Хаима-Иося.

Он был в частности известен своим чрезвычайно мелодичным голосом, с его трогательным музыкальным тембром и молитвенностью. Его молитве не было равных. Он использовался как ведущий молитв только в самые святые дни, а иногда также делал подарок, ведя молитвы в субботу в начале нового месяца.

Его моление по большим праздникам было целым событием, а потом весь город использовал для пения его композиции снова и снова.

Он не принимал никаких денег за его моления по большим праздникам, а отдавал их в качестве подарка гусятинской школе, ибо он был гусятинским хасидом.

Долгие годы он получал средства к существованию от бакалейного магазина (оптовая торговля продуктами), с которого он достойно содержал себя.

Гусятинские хасиды очень любили его моления. Эта история циркулирует среди них:

Однажды гусятинский ребе, услышав, как он молится, стал очень восхищен и взволнован, говоря тем, кто рядом с ним, что этот стиль молитвы происходит из стиля молитв, которые левиты пели в Храме. И он считал большой честью слушать, как он молится, объявив это следующим образом: каждое существо и каждый человек в частности имеет в себе священную искру божественных миров. На счет заслуг искры - он черпает источник своего существования. Когда

[Страница 54]

Хаим-Иось Грайцерштейн и его дочь Песя-Рухль

[Страница 55]

искры забрать у человека - он перестает существовать. И святая искра р. Хаима-Иося, заключил ребе - его музыка, которая вытекает из песен, которые пели левиты в Храме.

Его дочь Песя-Рухль была точной копией своего отца во всех отношениях - как по доброте характера, так и в организационной деятельности.

Она получила незаурядное еврейское образование. Она окончила гимназию, потом училась в Одессе, окончила школу учителей иврита для детских садов и стала учителем иврита, а также был

активна в сионистских кругах. Она недавно планировала путешествие в Страну Израиля.
Внезапная смерть похитила все ее святыя помыслы.
Да будут души их завязаны в узле жизни

[Страница 56]

Израил, сын р. Янкеля Пахтера
50 лет

Его дочь Ехевед
24 года

Израил Пахтер и его дочь Ехевед

[Страница 57]

Он прибыл в Проскуров со своей семьей из Фрамполя, где и жил до того года, когда пришла беда. За короткое время, что он прожил в Проскурове, он создал себе репутацию и стал любимцем за его добрый характер и прямоту мышления. По этой причине он быстро приобрел репутацию хорошего судьи. И почти в каждом сложном деле, которое требовало глубокого понимания и знания закона, его выбирали судьей.

Он работал, чтобы сохранить мир в каждом случае перед раввинским судом, мир был главным пунктом, на который он опирался.

Он всегда использовал полученное вознаграждение за судебные решения для пожертвований на благотворительность своим любимым организациям, или втайне главам семей, пострадавшим в трудные времена.

Он дал своим детям очень хорошее еврейское и светское образование. В этот ужасающий день несчастья он был убит смертоносной рукой вместе со своей дочерью Ехевед и упал как жертва перед своей женой и остальными детьми, которые сейчас находятся в Америке.

Да будут души их завязаны в узле жизни

В центре: Рефуил, сын р. Шмуля Гольдфарба;
над ним в центре: Рухля, дочь Нахмана Горовица, 51 год;
справа: Ее дочь Хая-Голда, 28 лет;
слева: Ее сын Меир*, 21 год.

[Страница 59]

Семья Толмач

Это было особое семейство. Их корни имеют глубокую родословную. Ее отец Нахман Горовиц был великим ученым, евреем, знатоком и преданным зиньковским хасидом. Всегда счастлив. Он жил по правилу: поклоняйся Б-гу в радости, и предстань пред Ним с радостной песней. Он был не в состоянии иметь какое-то грустное выражение лица, какое-то печальное, и когда он увидел еврея, казавшегося опечаленным, он делал все чтобы привести его в хорошее, счастливое настроение его умными словами и хорошими шутками.

Ее муж Меир Толмач, тоже человек, искушенный в Торе, был известен благотворительностью. Тем не менее, она превзошла мужа ее благотворительностью и добротой.

Она имела возможность заниматься благотворительностью, потому что прежде, чем был издан указ об изгнании евреев из 50-верстной полосы, они владели поместьем близ города Гусятин. Всего было в избытке и поэтому они осуществляли распределение щедрой рукой. Ее обычаем было перед каждым праздником загружать повозку разным добром, собранным на ферме, привозить ее в соседний город и там распределять вещи среди нуждающихся. Они были хорошо известны во всей округе и сотни бедных людей пользовались возможностью обратиться туда из всех уголков окружающих городов и поселков.
Да будут души их завязаны в узле жизни

[Страница 60]

Сура, дочь р. Янкеля, жена р. Ихилья Ружичнера

[Страница 61]

Ихиль, сын р. Шломо Ружичнера

60 лет

Его жена Сура, дочь Янкеля

58 лет

Их сын Манус

29 лет

Их бакалейный магазин (оптовая торговля продуктами) был расположен в самом центре улицы Каменецкой. И, несмотря на то, что они занимались серьезным бизнесом, отбирающим много времени и энергии, они были очень отданы воспитанию своих детей, которые получили достаточно хорошее еврейское и светское образование.

Они также находили время, чтобы делать общинную работу. И красивую еврейку Суру неоднократно видели ходящей из магазина в магазин для сбора пожертвований нуждающимся людям.

Да будут души их завязаны в узле жизни

[Страница 62]

Пинкас-Янкель, сын
р. Пейсаха Шермана*
58 лет

Его жена Сура, дочь
Иегуды Лейба Коэна*
56 лет

[Страница 63]

Пинкас-Янкель Шерман*

Он вел свой бизнес очень честно. Его слово было твердо, как скала. Он всегда был готов оказать еврею любезность. Он твердо придерживался заповеди делать добрые дела. Его соседи могут подтвердить то, что он никогда не позволял себе отказать им в хорошем одолжении.

Его жена была настоящей домохозяйкой. Она всегда вносила еженедельное пособие, которое использовала, чтобы раздать бедным разносчикам на рынке.

Да будут души их завязаны в узле жизни

[Страница 64]

Мойше-Шмуль сын р. Дувиды Захана*

[Страница 65]

Мойше-Шмуль, сын р. Дувида Захана*

58 лет

Торговец фруктами и продуктами, он всю свою жизнь вел себя как ученый и сын из хорошей семьи. Он твердо придерживался заповеди почитания своего отца и всегда следовал по пути отца, шойхета Дувида, который был известен своей добродетелью и хасидским образом жизни. Да будет душа его завязана в узле жизни

[Страница 66]

Арон-Шмуль Коэн*
(часовщик) 31 год

[Страница 67]

Арон-Шмуль Коэн*

Тот, кто не знал его близко и не имел возможность говорить с ним, не может иметь никакого понятия о том, что такое еврейский юмор, еврейской ум и сообразительность. Улыбка всегда растекалась по его лицу. И он использовал, решая его самые большие проблемы, его худшие испытания, шутку и улыбку.

Он был воспитан отцом, который был учителем, большим бедняком, который учился с ним. Он получил свои первые светские знания, как и другие интеллектуалы из старомодного хедера, из старой и новой еврейской литературы. Однако, когда ему было 20 лет он отправился в Одессу. Там он изучал ремонт часов и познакомился, кроме того, с современными течениями новой литературы на идиш, ярым последователем которой он стал.

Перед первой мировой войны он вернулся в Проскуров, где работал часовщиком и играл довольно значительную роль во всех общинных делах.

Да будет душа его завязана в узле жизни

Перец Эфроимович Крупник
(учитель) 28 лет

Организационный активист и преданный друг рабочих. Его имя было хорошо известно во всех сферах деятельности движения помощи Проскурова.

Да будет душа его завязана в узле жизни

[Страница 69]

Мы получили следующие строки [которые были] присланы его братом И. Дитуном. Мы представляем эти строки без каких-либо изменений, по его просьбе:

Гур-Арье Иегуда Израилевич Дитун

Мы, члены его семьи, плачем кровью, с горьким, оплакивающим голосом, над бедой нашего брата. Поток слез льются из наших глаз из-за потери нашего брата, который фатально пал в Юдоли Заклания, отрезанный в расцвете молодости.

Он был святым от чрева матери и родился в год 5649 [= 1888-1889 – перев.]. Честный он был в его качествах, праведник в поведении, искренним все дни жизни было его усердие в учебе и на работе, и он был выбран как невинная жертва на святой алтарь 15 дня Первого Адара 5679 года [= 1919 – перев.].

Да пребудет он в мире и упокоении, и да будет душа его завязана в узле жизни. Бог его обитель.

Лейбиш Дитун, сын р. Сруля
(часовщик) 34 года

[Страница 70]

Янкель, сын р. Иосифа Ланглейбна
34 года

Он был изысканным молодым человеком, сионистом, благословляющим очень мелодичным голосом. Когда он иногда вызывался, чтобы читать молитвы в собрании, он всегда вдохновлял собрание сладостью его молитвы. Он оставил жену и трех маленьких детей.
Да будет душа его завязана в узле жизни

[Страница 71]

Аврум, сын р. Фавеля Гройсмана
(студент) 17 лет

Рухля, дочь
Аврума Гройсмана
41 год

[Страница 72]

Мойше, сын р. Хаима Золлемахера
56 лет

И его дочь Элька Золлемахер
19 лет

[Страница 73]

Фавель, сын р. Дувида Кантора*
(часовщик) 40 лет

Он был очень активным в организационной жизни. Он был убит вместе со своей женой Ехевед* 36 лет и сыном Зевом* 4 лет.

Да будут души их завязаны в узле жизни

[Страница 74]

Берко Гройс
40 лет
Его жена Лея, дочь р. Аврума Ликермана
40 лет

Да будут души их завязаны в узле жизни